
ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО

*К 125-летию Л. М. Леонова***Александр ЗАХАРОВ****LEONID MAKSIMOVICH****Заметки ботаника о Леониде Леонове**

Хемингуэй советовал: «Когда допишешь, выкинь первую фразу».

Я так долго любил Хемингуэя (даже портрет на стене висел), что теперь вообще помню из всей русской литературы первые фразы только трех произведений: «Стояли мы в местечке» — из пушкинского «Выстрела»; «Санька соскочила с печи, задом ударила в забухшую дверь» — из «Петра I» А. Н. Толстого и «Лось пил воду из ручья» — из леоновской «Соти».

Почему первые две — понятно. У Пушкина все сразу сказано, можно было и не продолжать, так как «жизнь армейского офицера известна». У красного графа так захватски про задницу, что наперед ясно: будет чем не то что забухшую дверь, но и окно в Европу выбить. А что такого в этом «лось пил воду из ручья» — сорок лет понять не могу.

И у автора не спросил, а ведь была возможность! Служил я как-то младшим редактором в редакции художественной литературы издательства ОК КПСС Лениздат, что стояло на месте Воскресенской церкви работы Людвиг Фонтана на участке Апраксиных. Жизнь младшего редактора известна. Просто редактором я быть не мог: в партийном издательстве это, по определению, только «партийные». Поэтому я был не простым редактором! Младшим. Они читали рукописи, а я делал «расклейки» и подготавливал вчерне будущие договоры с авторами. А если автор был классиком, то есть уже приказал нам долго жить и поменьше писать, — тогда с наследниками.

Леонид Максимович Леонов был жив. Поэтому договор шел трудно. Тогда издавалась у нас серия «Мастера русской прозы XX века», куда наряду с Горьким, Андреевым и Зощенко вошли практически неизвестные нам Борис Шергин и Артем Веселый. И недавно нас тогда покинувший Василий Шукшин, которого на договорной ниве замещала Лидия Васильевна Федосеева-Шукшина. Ну и Леонид Леонов.

Александр Алексеевич Захаров родился в 1956 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГУ по специальности «Русский язык и литература». Член Союза журналистов России (СССР) с 1983 года. Член ФИЖЕТ (Международная федерация журналистов, пишущих о туризме). Как литературовед и критик печатался с 1981 года в журналах «Звезда», «Литературное обозрение», «Север», «Звезда Востока» и др. Ботаник-любитель.

Вскоре я понял, что цели авторов (и наследников) в этой серии диаметрально противоположны намерениям редакции. Мы хотели дать лучшее из каждого, а они («каждые») за «лучшестью» не гнались и хотели включить в избранное те рассказы и повести, которые меньше раз «уже издавались». Поскольку сумма договорного гонорара изменялась с каждым случаем издания, естественно, в меньшую сторону.

От торговли с Лидией Васильевной меня Бог отвел, но на Леонида Максимовича навел. Дважды мы разговаривали по телефону (это черный такой аппарат на столе с крутящимся диском для набора цифр и проводами), и один раз я даже ездил на поезде в Москву.

Разговоры по телефону (с нашей стороны) звучали приблизительно так: Леонид Максимович, здравствуйте! Спасибо. Это из «Лениздата» звонят... Спасибо. Вам удобно говорить? Спасибо большое. Мы хотели бы включить в ваш однотомник вот это, вот это и вот это, как вы считаете? Спасибо... Это не надо? Спасибо... И это не надо? Спасибо. А надо вот это, да? Спасибо... А где это было издано, мы не знаем, извините, пожалуйста! Ах, там-то и тогда-то. Спасибо... Один только раз печаталось? Спасибо.

В общем, нам сильно повезло, что к тому моменту чудесная повесть Леонида Леонова «Евгения Ивановна» публиковалась всего два раза, и поэтому договаривающиеся стороны остались довольны друг другом: мы включили в однотомник лучшее, автор получил большее.

Я, тогда 27-летний, все думал: куда писатели девают такие деньги? А когда в Москву приехал, узнал куда. И обалдел от восторга. Оказывается, в Переделкине у Леонова был большой сад, а в оранжерее он разводил орхидеи и в момент наших переговоров как раз ждал, по его словам, «самолет из Южной Америки с новыми экземплярами», отчего и возникла крайняя необходимость в финансах.

Как вспоминала Наталья Сац в «Новеллах моей жизни», «однажды Корней Иванович Чуковский решил зайти к Леонову на дачу. Сами понимаете — не кто-нибудь, Чуковский. Ворота сразу ему открыли. Сад большой, деревья всякие, цветы запахами своими одурманивают, домики какие-то для разных редких растений на деревянных столбиках, как бы на втором этаже, расположены, деревья, как в джунглях, а в доме ни души. Чуковский говорит: „Хожу, вроде Дюймовочки, в тропических зарослях затерянный — это с моим-то ростом“».

Ну а я-то Чуковского насколько ниже! — по росту, не говоря уже о литературе, но как раз благодаря этому сразу бы заметил среди орхидей «пришипившийся, будто и не он», непентес. Корнею Ивановичу кланяться бы пришлось, чтобы увидеть тот непентес. А я в полный рост увидел бы непентес. Знаете про непентес? Нет? Ну, это такой плотоядный цветок. Вроде бы безобидная чашечка ароматная висит, а залетит туда муха-цокотуха разнохатъ что да как — ап! — и съели.

Когда Чарльз Дарвин первый непентес увидел, он глазам своим не поверил и публиковать ничего об этом не стал — засмеют! Только потом уж его компатриот Хью Лоу (не путать с Хью Лори!) нашел в Малайзии много видов непентесов и открыл «непентес раджи» с чашечкой-ртом в 35 сантиметров в диаметре, куда даже мышам и ящерицам заглядывать не рекомендуется. Благодаря этой новости в Англии начался настоящий бум коллекционирования непентесов: Хью Лоу отправлял туда непентесы сотнями и вскоре очень разбогател.

При этом, поскольку «товар» был скоропортящийся, для доставки непентесов в Англию использовались клиперы — самые быстроходные парусные и парусно-винтовые суда, предназначавшиеся тогда в основном для перевозки из Китая чайного листа... Ну а Леониду Максимовичу доставляли самолетом.

А что вы удивляетесь? Прогресс! Вот были же корабли для растений, для чая, всякие «философские пароходы» — скоро будут и «философские самолеты».

Но наверное, оранжерея помогала Леонову периодически самоизолироваться от прогресса, а главное — от бурного писательского сообщества, которое, как известно из Булгакова, вскармливало и созревало тоже в оранжерее, только в другой. В этом смысле его биография представляет какое-то причудливое чередование официальных и «укромных» эпизодов с регулярными бегствами в свою тропическую «Оптину пустынь».

Его отец держал издательство и книжный магазин на Тверском бульваре и был отправлен в 1908 году вместе с семьей в Архангельск, когда под прилавком обнаружилась кое-какая революционная литература. В Архангельске он организовал типографию, где печатал газету «Северное утро», которая не понравилась теперь уже большевикам.

Такая карма докучала и сыну — будущему писателю. Он дослужился до прапорщика в Белой армии на севере, а потом перешел в Красную — на юге. Подробности ищите сами, но я не исключаю, что этот переход был связан с тем, что на юге флора значительно богаче.

Потом он сочинил пьесу «Метель», которая не раз ставилась в мелких театрах, но вскоре была квалифицирована как «злостная клевета на советскую действительность».

Потом он быстро сочинил «Слово о первом депутате» (о Сталине — не о князе Игоре), но его гениальная повесть «Evgenia Ivanovna» (1938) была напечатана только через четверть века после создания:

Директор обещал прикрепить к приезжим наилучшего на всем Кавказе гида с французским языком и прокричал в телефон тревожно знакомую фамилию, утонувшую в фейерверке грузинских слов. Спустя короткое время, в течение которого Евгения Ивановна старалась не потерять сознание, в кабинет за ее спиной вошел живой Стратонов. Она узнала его в зеркале по знакомой рыжеватой, на резинке, вельветовой куртке и таким же поношенным штанам, заправленным в помрачительно начищенные, тоже константинопольской поры краги. Загадочные ремешки и кольца на поясе гида отвлекали внимание в сторону, полевая сумка свисала через плечо; эту придуманную маску бывшего альпиниста завершали горные башмаки на двойной стоптанной подошве. Чтобы не утомлять пустяками, директор не счел нужным представить гида именитым туристам; да тот и сам почти не взглянул на них... Но вот при обсуждении маршрута Евгения Ивановна помогла мужу перевести не дававшийся ему русский оборот. При звуке ее голоса Стратонов вскинул глаза ей в затылок, и на мгновение у него стало такое лицо, словно наискось полоснули хлыстом. Можно было думать, что, захлебнувшись чем-то, он умрет сейчас.

Евгения Ивановна искоса видела в зеркале, как, чуть оправившись от замешательства, он потерянно искал себе место сесть, чтобы не стоять одному из всех, но свободное кресло было занято плащами гостей. Он тогда с независимым видом прислонился к притолоке двери.

— Не торопись помирать, кавалер, живи веселей... — по-хозяйски и вполне дружелюбно окликнул его директор. — Ай-ай, закаленный такой вояка, а выглядывает, как балной бабушка. Прошу дорогих гостей смотреть товар лицом!

Не было ничего обидного в этом тоне шуток и снисхождения к поскользнувшемуся человеку, да и Стратонов всем видом своим выражал готовность оправдать доверие.

Требовалось согласие Евгении Ивановны, она утвердительно кивнула головой.

Достоверные для каждого эпизода, полновесные по русскому языку, не заменимые никакими другими слова для каждого предложения — что еще нужно хорошей прозе?

За свою жизнь Леонид Леонов получил Сталинскую и Ленинскую премии и шесть (!) орденов Ленина, но за последний, по сути, незаконченный роман — «Пирамида» (1940—1994) его можно было бы наградить разве что Изумрудной скрижалей Гермеса. Да где ж ее взять!

Так что в жизни переделок хватало. Посмотришь с одной стороны — «в доску наш». С другой зайдешь — задумаешься...

Терпеть не мог, когда путали его отчество: хотел быть только «Максимовичем», как Горький, которого боготворил. (Брежнев ведь тоже, в анекдотах, просил, чтобы его звали «просто Ильичом».) Но при этом прятался временами в своих переделкинских джунглях. И странным, с точки зрения московских современников, занятиям там предавался. Упоминавшейся уже Наталье Сац один приятель по секрету рассказал: «Дверца приотворена, вхожу. Леонов сидит на чурбане ко мне спиной, перед ним что-то вроде террариума с водяными травами, водяными жителями. Он слова какие-то непонятные говорит, вызывает на кормление питомцев своих по очереди. Пробормотал что-то — и к нему жабы подскочили, уродливые рты свои раскрыли, приняли пищу из рук его, квакнули, ускакали, другое что-то он забормотал — неведомые мне существа к нему подплыли... Несколько минут сказку я эту, затаив дыхание, смотрел, а потом как закричу от радости: „Леонид Максимович! Это же чудесно. Я завтра в ваш „болотный театр“ всех переделкинских ребят приведу“. А он от неожиданности с чурбана, на котором сидел, привскочил, глазами сверкнул и нет чтобы поздороваться, а гнев свой заглатывая, в ответ: „Как вы меня нашли? Кто впустил?“».

Но конечно, писателю приходилось как апологету социалистического реализма и видному общественному деятелю часто выбираться из своих рукотворных кущ в различные организации и на всевозможные заседания — от Верховного Совета и правления Союза писателей до (с большим удовольствием) правлений всяческих комитетов по озеленению и в редакцию журнала «Наука и жизнь». Там, кстати, были напечатаны (1999 и 2003 гг.) интересные и очень живые воспоминания дочери Наталии Леонидовны о переделкинском саде и ботанических изысканиях отца: «Он любил повторять фразу Блаженного Августина — чудо не противоречит природе; чудо противоречит тому, что мы о ней знаем».

Когда мы обсуждали издательский договор, Леонов поинтересовался, пробовал ли я писать. Я сказал, что ботаника меня больше привлекает, но, мол, как-то выйдя в сад, я услышал как бы начальную фразу рассказа: «Для садовника каждое утро — новость». И добавил: «Десять лет уже вторую фразу сочинить не могу». — «Значит, это и есть весь рассказ, неплохой», — сказал он.

Лев Толстой благословил Горького, Горький благословил Леонова, а теперь что же получается? Леонов меня благословил на прозу. Я обалдел: если Леонова и Горького вычернуть, то что же — меня Лев Толстой на эту дорожку опосредованно подталкивает? В голове это все быстро и как-то бредово пронеслось, но я сказал:

— Все же мне ботаника интереснее.

Он улыбнулся и сказал:

— Ну и напишите «Русский лес».